

«ЗАПИСКИ ИЗ МЁРТВОГО ДОМА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА МЕЖДУ СВОБОДОЙ И НЕВОЛЕЙ

Сабиров Немат Казакбаевич

Научный руководитель старший преподаватель кафедры русской
филологии Ферганского государственного университета

nemat.sabirov.60@inbox.ru

Тожибоева Шахлохон Саиджон кизи

Студент ФерГУ

Аннотация: Данная статья исследует повествовательную структуру и философское содержание «Записок из Мёртвого дома» (1861-1862) Ф.М. Достоевского как художественного осмысления проблемы человеческого достоинства в условиях тотального лишения свободы. Анализируется трансформация личности заключённого под воздействием системы наказания, механизмы сохранения и утраты человеческого достоинства, а также роль труда и культурной памяти в поддержании идентичности. Особое внимание уделяется концепции «мертвого дома» как метафоры социального ада, где несвобода порождает нравственное одичание, но одновременно открывает возможности для духовного возрождения. Рассматривается диалог Достоевского с идеями западников и славянофилов о «личном начале» в народе.

Ключевые слова: Федор Достоевский, «Записки из Мёртвого дома», человеческое достоинство, свобода и неволя, каторга, тирания, труд, культурная память, личное начало, народ, моральное возрождение.

Annotation: This article examines the narrative structure and philosophical content of F.M. Dostoevsky's «Notes from the House of the Dead» (1861-1862) as an artistic comprehension of the problem of human dignity under conditions of total deprivation of freedom. The transformation of the prisoner's personality under the influence of the punishment system is analyzed, as well as the mechanisms of preserving and losing human dignity, and the role of labor and cultural memory in maintaining identity. Special attention is paid to the concept of the «house of the dead» as a metaphor for social hell, where unfreedom generates moral savagery but simultaneously opens possibilities for spiritual revival. Dostoevsky's dialogue with the ideas of Westernizers and Slavophiles about the «personal principle» in the people is considered.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, "Notes from a Dead House," human dignity, freedom and slavery, penal servitude, tyranny, labor, cultural memory, personal principle, people, moral revival.

Annotatsiya: Ushbu maqola F.M. Dostoyevskiyning «O'lik uydan maktublar» (1861–1862) asarining hikoya tuzilishi va falsafiy mazmunini erkinlikdan butunlay mahrum qilingan sharoitlarda inson qadr-qimmatini muammosining badiiy anglanishi sifatida o'rganadi. Jazo tizimi ta'sirida mahbus shaxsining transformatsiyasi, inson qadr-qimmatini saqlash va yo'qotish mexanizmlari, shuningdek, identitetni saqlashda mehnat va madaniy xotiraning roli tahlil qilinadi. «O'lik uy» kontsepsiyasiga alohida e'tibor qaratiladi - bu ijtimoiy do'zax metaforasi bo'lib, unda erkinliksizlik axloqiy vahshiylikni keltirib chiqaradi, lekin bir vaqtning o'zida ma'naviy tiklanish imkoniyatlarini ochadi. Dostoyevskiyning narodda «shaxsiy boshlanish» haqidagi zapadniklar va slavyanofillar g'oyalari bilan dialogi ko'rib chiqiladi.

Kalit so'zlar: Fyodor Dostoyevskiy, "O'lik maktublar," inson qadri-qimmat, erkinlik va qullik, katorga, zulm, mehnat, madaniy xotira, shaxsiy asos, xalq, axloqiy tiklanish.

Введение.

«Записки из Мёртвого дома», созданные Достоевским в 1861-1862 годах на основе четырёхлетнего опыта каторжной ссылки (1849-1854), представляют собой уникальный жанровый гибрид - мемуары, художественную повесть и философское эссе одновременно. Уже в первых строках автор устанавливает ключевую метафору произведения: «Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, тут была мёртвая жизнь, похожая на какое-нибудь жилище на Содоме, при освещении его огнём и серою, при гибели его» [Достоевский, с. 9]. Эта метафора «мертвого дома» определяет всю структуру повествования: каторжная тюрьма - это не просто место заключения, а особое экзистенциальное пространство, где время и пространство подчинены иным законам, а человек оказывается между жизнью и смертью. Как отмечает Т.С. Карлова, «метафора „мертвый дом“ здесь оказывается не просто оценочной формулой, она определяет структуру „Записок“ в целом» [Карлова, с. 1]. Важно, что Достоевский подчёркивает: «Вместилище людей, лишённых свободы, может быть только мертвым домом. <...> В метафоре „мертвый дом“ главным является социально-политический и этический подтекст: свобода - неперемнное условие жизни» [Чудакова, с. 1]. Таким образом, произведение изначально позиционируется как философское исследование соотношения свободы и человеческого достоинства.

Достоевский демонстрирует, что каторжное заключение представляет собой не только физическое ограничение, но и систематическое унижение человеческого достоинства. Автор описывает

внешние приметы «мертвого дома»: «выбритые наполовину головы, кандалы, арестантская одежда, сшитая из сукна разного цвета» [Достоевский, с. 139]. Эти знаки социального клейма выполняют функцию постоянного унижения: «одно шельмование, стыд и тягость, нравственная и физическая» [Достоевский, с. 139]. Особенно показательна сцена, где девочка-калашница, увидев арестантов, «долго всматривалась в меня и потом вдруг захохотала. „Фу, как не славно! - закричала она, - и серого сукна не достало, и черного сукна не достало!“» [Достоевский, с. 12]. Этот эпизод демонстрирует, как общество воспринимает заключённых: они становятся объектом насмешки даже для детей, их человеческое достоинство отрицается на уровне визуального восприятия. Достоевский подчёркивает парадокс: закон, оставляя заключённым жизнь, лишает их «звания человека» [Карлова, с. 1]. Таким образом, система наказания строится не на исправлении, а на глумлении над личностью, что приводит к нравственному одичанию.

Тирания как болезнь: психология насилия

Одним из центральных философских откровений «Записок» является анализ природы тирании. Достоевский пишет: «Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь. Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развиваются загубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен» [Достоевский, с. 91]. Эта цитата раскрывает механизм деградации личности под влиянием власти: тирания не является врождённым качеством, а приобретает форму привычки, которая постепенно трансформируется в патологию. Важно, что Достоевский говорит о «самом

лучшем человеке» - то есть тирания разрушает не только изначально порочных людей, но и тех, кто обладает высокими моральными качествами. «Кровь и власть пьянят» - эта метафора алкогольного опьянения применяется к власти, указывая на её наркотическое воздействие. Финальная часть цитаты о «возврате к человеческому достоинству» имеет ключевое значение: Достоевский признаёт возможность возрождения, но называет её «почти невозможной», что создаёт трагическое напряжение всего произведения.

Достоевский вступает в полемику с идеями 1840-х годов о «личном начале» в русском народе. Западники (Кавелин, Белинский) считали, что «личность, сознающая сама себя, своё бесконечное безусловное достоинство, есть необходимое условие великого духовного развития народа» [Торопцев, с. 139]. Славянофилы, напротив, видели в отсутствии «личного начала» достоинство народа, его способность к коллективному самопожертвованию. Достоевский, однако, обнаруживает иное: «общий тон в остроге, неписанный закон поведения составлялся снаружи из какого-то особенного собственного достоинства, которым был проникнут чуть не каждый обитатель острога» [Достоевский, с. 13]. Это «собственное достоинство» проявляется в том, что «положение преступника, осуждённого законом, не только не смиряло каторжников, но внушало им особое чувство гордости и превосходства» [Достоевский, с. 13]. Достоевский показывает, что даже в условиях тотального унижения народ сохраняет неистребимое чувство собственного достоинства, проявляющееся не в интеллектуальной саморефлексии, а в повседневном поведении, в «неписаном законе». Это открытие корректирует как западническую, так и славянофильскую позиции: «личное начало» существует в народе, но в иных, неевропейских формах.

Достоевский придаёт огромное значение труду в системе каторги. Он пишет: «Без работы и без законной, нормальной собственности человек не может жить, он развращается, превращается в зверя» [Достоевский, с. 17]. Эта мысль развивается в анализе вечерней деятельности заключённых: «У нас были свои ремёсла, почти все мелкие, но приносившие, однако, небольшой доход. Деньги - это почти полная, осязаемая свобода, а для человека, совершенно лишённого настоящей свободы, она становится тем дражайше» [Достоевский, с. 20]. Здесь Достоевский формулирует экономическую психологию несвободы: деньги становятся метафорой свободы, «осязаемой» заменой утраченного права. Важно, что речь идёт о «законной, нормальной собственности» - то есть о труде, который признаётся обществом. Принудительный труд в каторге, напротив, лишён этой «нормальности» и поэтому не спасает от «зверения». Однако вечерние занятия - мелкие ремёсла, которые заключённые выполняют добровольно, - создают иллюзию свободы и позволяют сохранить человеческое достоинство. Как отмечается в исследованиях, «свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободе выше всего для арестанта» [Достоевский, с. 66], и труд становится формой такой «мечты о свободе».

Несмотря на тотальную депривацию, заключённые сохраняют связь с культурой, что становится основой для духовного возрождения. Достоевский описывает арестантский театр - уникальное явление, демонстрирующее «душу живую» в «мертвом доме»: «Все были без шапок, и с правой стороны все головы представлялись мне бритыми». Страшная примета «Мертвого дома» назойливо лезет в глаза именно тогда, когда дом этот активно оживает: «Что за странный отблеск детской радости, милого, чистого удовольствия сиял на этих изборожденных, клейменных лбах и щеках...» [Достоевский, с. 122]. Этот эпизод демонстрирует, что культурная деятельность (театр, музыка, чтение) создаёт пространство, где «мертвые»

оживают, где социальное клеймо временно утрачивает свою власть. Достоевский показывает, что даже в аду каторги возможно «сверх надежды надежда» на прощение и возрождение. Подготовка к Рождеству Христову описана как процесс коллективного духовного очищения. Книга завершается «разрешённой свободой»: «Свобода, новая жизнь, воскресенье из мёртвых... Экая славная минута!» [Достоевский, с. 232]. Эта метафора воскресения указывает на христианскую онтологию произведения: свобода - это не просто отсутствие оков, а духовное возрождение.

Достоевский анализирует психологические механизмы, которые приводят заключённых к «взрывам» - внезапным проявлениям неповиновения, кажущимся иррациональными. Он пишет: «Часто человек терпит несколько лет, смиряется, выносит жесточайшие наказания и вдруг прорывается на какой-нибудь малости, на каком-нибудь пустяке, почти ни за что» [Достоевский, с. 67]. Этот феномен Достоевский объясняет как «судорожное проявление личности, инстинктивная меланхолия, невыразимое желание заявить себя, свою приниженную личность» [Достоевский, с. 67]. Важно, что «взрыв» происходит «почти ни за что» - то есть формальный повод несоизмерим с реакцией. Это указывает на то, что причина лежит глубже: это накопленное чувство униженности требует выхода. Достоевский сравнивает такого человека с «заживо погребённым, который вдруг просыпается и бьётся в гробу» [Достоевский, с. 67]. Эта метафора имеет двойное значение: с одной стороны, она подчёркивает отчаянность положения заключённого, с другой - его неистребимое стремление к жизни, к утверждению своей личности. «Взрыв» становится формой самоутверждения там, где все законные средства утрачены.

Ключевым тезисом Достоевского является утверждение о необходимости «человеческого обращения» с заключёнными: «Всякий, кто бы он ни был и как бы он ни был унижен, хоть и инстинктивно, хоть

бессознательно, а всё-таки требует уважения к своему человеческому достоинству. Арестант сам знает, что он арестант, отверженец, и знает своё место перед начальством; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что он человек. А так как он действительно человек, то, следственно, и надо с ним обращаться по-человечески» [Достоевский, с. 91]. Эта цитата содержит фундаментальную антропологию Достоевского: человеческое достоинство не является производным от социального статуса, оно принадлежит человеку априори, «инстинктивно, бессознательно». Заключённый «сам знает» своё положение, но это знание не уничтожает его человечности. «Никакими клеймами, никакими кандалами» - это отрицание любых попыток насильственного лишения человечности. Вывод «надо с ним обращаться по-человечески» - это не просто гуманистический призыв, но логическое следствие из антропологической посылки. Достоевский подчёркивает: «Только человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уж потускнел образ Божий» [Достоевский, с. 91]. Образ Божий - ключевая категория: даже «потускневший» он сохраняется, и «человеческое обращение» способно его восстановить.

Заключение.

«Записки из Мёртвого дома» представляют собой философское исследование, которое выходит далеко за рамки тюремной тематики. Достоевский формулирует фундаментальную антиномию: человек может привыкнуть ко всему («Человек есть существо, которое привыкает ко всему, и, кажется мне, это одно из лучших его определений» [Достоевский, с. 10]), но эта привычка не уничтожает его стремления к свободе. Каторга разрушает личность, но одновременно открывает возможности для духовного возрождения - при условии сохранения «человеческого обращения». Достоевский не даёт готовых рецептов реформирования

пенитенциарной системы, но указывает на её антигуманность: «Никоторжные тюрьмы, ни галеры, ни тяжкие работы никогда не исправляли преступника» [Достоевский, с. 17]. Его позиция - не отрицание наказания как такового, а критика системы, построенной на унижении достоинства. В современном контексте «Записки» остаются актуальными: проблема сохранения человеческого достоинства в условиях тотальных институций (тюрьмы, психиатрические больницы, военные части) не потеряла своей остроты. Достоевский учит, что свобода - не просто политическое право, но онтологическая необходимость человека: «Без свободы всякая жизнь мертва» [Чудакова, с. 1]. Именно поэтому «мертвый дом» это не метафора смерти, но метафора жизни, лишённой свободы, то есть жизни, которая ещё может быть воскрешена.

Список литературы

1. Айзенштадт С.Е. Ф.М. Достоевский: Жизнь и творчество / С.Е. Айзенштадт. - Москва: Просвещение, 1986. - 320 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. - Москва: Советский писатель, 1963. - 376 с.
3. Гроссман Л.П. Достоевский / Л.П. Гроссман. - Москва: Молодая гвардия, 1962. - 736 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. - Ленинград: Наука, 1972-1990. - Т. 4: Записки из Мёртвого дома. - 544 с.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. / Ф.М. Достоевский. Москва: Художественная литература, 1956-1958. - Т. 1: Повести и рассказы 1844-1846. - 496 с.
6. Карлова Т.С. О структурном значении образа «мертвого дома» / Т.С. Карлова // Непознанный Достоевский. Записные книжки и тетради

1860-1881 гг. - Москва: Наука, 1971. - (Литературное наследство, т. 83). - С. 1-15.

7. Касаткина Т.А. Ф.М. Достоевский: Поэтика и идеология / Т.А. Касаткина. - Москва: РГГУ, 2001. - 448 с.

8. Мочульский К.В. Достоевский: Жизнь и творчество / К.В. Мочульский. - Париж: YMCA-Press, 1947. - 702 с.

9. Степанов Н.Л. Достоевский и народ / Н.Л. Степанов. - Москва: Советский писатель, 1983. - 288 с.

10. Торопцев С.П. Тема народности в «Записках из Мёртвого дома» / С.П. Торопцев // Toronto Slavic Quarterly. - Торонто: University of Toronto, 2002. - № 3. - С. 139-150.

11. Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского / Г.М. Фридлиндер. - Москва: Наука, 1964. - 388 с.

12. Чудакова А.П. Поэтика Достоевского / А.П. Чудакова. - Москва: Наука, 1971. - 280 с.